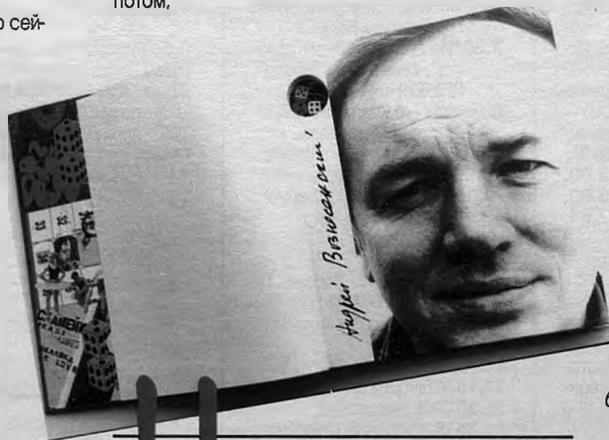

Семь дней - 1995
- с 12 нояб. - с 3

В ОТКРЫТУЮ

ВИДЕОМЫ

потом,

Назад, к яйцу

Последние годы поэт Андрей Вознесенский некоторые свои стихи, в прямом смысле слова, "делает". И называются они уже не "стихи", а "видеома". Например, берет толстую веревку, сворачивает ее на синем листе бумаги в виде буквы "Е" и прицепляет к ней легкий, белый шарф. Получается видеоба "Есенин и Айседора", рассказывающая о трагическом союзе русского поэта и американской танцовщицы.

В прошлом году, на презентации нового сборника стихов Вознесенского "Гадание по книге", побывала вся столичная элита. Внутри книги, которая на днях вышла вторым изданием, вырезан тайник. В нем лежат игральные кости. Бросьте их два раза на стол и... сначала - по странице, а потом - по выпавшей на костях строке узнаете, что вас ждет. Гадание, одним словом.

ведь поэт - всегда с народом, инстинктивно он выражает и народные иллюзии своего времени.

В газетной статье о вашем недавнем вечере в зале Чайковского было написано, что Вознесенский пал жертвой своего же имиджа: ваш вечер невозможен без исторических анекдотов, как любовь Избранное - без исторических фотографий. Каково в связи с этим ваше отношение - тогда и сейчас - к знаменитому анекдоту писателя Сергея Довлатова о том, как в накиннутой на голое тело шубе вы сидели в сарае, ожидая приезда американских гостей. - а когда те подошли, сбросили шубу и стали булькать в сугробе. Типа: "русский медведь куляется в снегу". Как вам эта история?..

К этому анекдоту - и тогда, и сейчас - я отношусь одинаково. Я - в восторге. Это же... как виртуозная брахья Ноздрева. Великолепно. Недавно мы выступали с Андреем Битовым по телевизору. - а у Довлатова есть и второй анекдот, про то, как Битов пришел однажды в ресторан и, увидев меня, набил мне морду. И потом оправдывался: "Вижу - Вознесенский. Ну как я мог не дать ему по физиономии?!"... Мы с Битовым в те времена не были даже знакомы, вообще не были... А Довлатов жил и живет в своем мире, мире талантливых вещей. Главное, абсолютно не имеющих отношения к реальности. Так что я в восторге.

Изменилось ли место, где к вам обычно приходит муза? Во что превратилось ваше любимое Переделкино?

Я рад тому, что уже два года живу и работаю на втором этаже, пусть и арендованного, но моего дома. Переделкино действительно изменилось. Даже стало опасным: пойдем гулять и тебя разорвут собаки, как это однажды было со мной. Кстати, сейчас эти следы от укусов превратились в какие-то мистические знаки. То есть когда я загораю, шрамы превращаются в бледные письмена... Ну, что еще? Иногда здесь грабят, как вы знаете, ограбили и нас...

Мне кажется, Андрей Андреевич, что зеленый том "Гадания по книге" зоботит вас так же, как год назад. Гадание сбываются часто?

...Во-первых, я все свои вечера начинаю сейчас стихотворениями из этой книги. Что же до предсказаний и надежд, то вспомните Новый год, передачу "Что? Где? Когда?". Перед телекамерой не обманешь: все видно - какая фишка, какая строчка. В тот вечер выпало: "Спаси нас, Господи, от самоварварства..." Знаете, если бы я жульничал или думал сто лет, - я бы лучшей строчки не сочинил. А вот из шуточных предсказаний - это гадание Пугачевой. Знаете, что ей открылось? - "В эротическом сиром галопе /у подъездов, меж рыхлой пурги, / я и мужа нашла на галерке. / С ним играли в четыре руки..." Также - лучше не придумаешь... Кстати, когда Гриша Горин на время уезжал в Израиль, он попросил меня бросить кости. Кинул, и ему попалась строка: "Друг продаст, забудет Родина". Он пообедал и уехал. Когда вернулся, я спросил его: "Ну, что, сбилось?" - "Первое сбилось, второе - пока еще нет".

Гадание - процесс мистический. Вам не бывает страшно, что за какое-то предсказание вашей книги автору придется ответить?

Я вам скажу, что одно страшное предсказание там есть - это трагедия с Листьевым. В "Псалме второго дыхания": "И яйца над храмом окраски матиссиной /молитесь юродивому Василию. / Как нам разгадал бы кроссворд по Листьеву?". В то время Влад был еще жив, убили его через полгода. Под этими словами в книге - восемь клеточек с двумя прописными "С", прямо как в его игре. В клеточки укладываются (и рифмуется) только одно слово: "выстрелы". Влад очень хотел сделать передачу про эту книгу, но убийство случилось дня за три до эфира. Это была первая программа без Листьева... Я прилетел из Италии и пошел в эфир без него... Можно как угодно относиться к тому, что я рассказал, - но мне об этой истории вспоминать крайне тяжело.

Тогда я попросил сменить тему. Андрей Андреевич, какую из ваших видеом невозможно отправить на выставку в другой город?

У меня было Пасхальное яйцо - гигантская металлическая видеоба. Пять метров высотой, внутри - из гипса. На Пасху мы с друзьями сделали шоу, - вы, наверное, помните Криса Кельми, который вылезал из Яйца и пел на большую аудиторию. В общем, я был очень доволен. Когда с улицы Неждановой видеоба переехала к Дому кино и прошло некоторое время, я вдруг узнал, что какие-то вандалы ее разбили. Это должна была быть организованная группа вооруженных людей, потому что просто так Яйцо не разрушишь. Это же металл... Видимо, человек пятнадцать долго крушили ее ломом. Я был очень опечален. И сейчас в Германии я должен был сделать новую работу. Второе Яйцо оказалось несильно лучше.

В ретроспективной поэме Тимура Кибирова "Связь прощальные слезы" есть такая строфа: "Лекса-енка, ты мой Евтушенко! Лонжюмо ты мое, Лонжюмо! /Уберите же Ленина с денег. / И слонят уберите с трюмо!..." Фрагменты вашей давней поэмы многие до сих пор помнят наизусть. Смотрите, Андрей Андреевич, ведь как бы то ни было, идиол повержен, а стихи существуют. Как с ними быть, независимо от вашего отношения к Ленину тогда и сейчас?

Кстати, вы знаете, что первым их вслух прочел Высоцкий - в спектакле "Антимиры"? Вот вы говорите, что идиол повержен, а стихи существуют... Но ведь к Петру Первому тоже относятся по-разному, однако "Полтава" остается всегда. Она выше, чем Петр Первый, потому что это - стихи. В ней захвачено какое-то дыхание времени. Сколько сейчас проклинали Петра за то, что он своей рукой рубил головы стрельцам, - не то, что "посылал в лагерь". Самодержец был садистом, конечно. Так как же быть с тем, что в глазах многих он справедливо выглядел антихристом и одновременно запечатлился в "Полтаве"? Художник может и ошибаться, но поскольку все движется сверху, - то ошибка дыхания невозможна. И

Все это бьет по нервам, но рядом дышит Музей Пастернака, что бы ни происходило. Я немножечко связан с этой темой. Пусть сейчас все говорят про перестройку, что она только развалила страну и ничего не дала, - а я знаю, что она дала Музей Пастернака. Здесь, рядом.

Из печати вышла уже знаменитая антология "Строфы века". Вы бы взялись за такое издание, не будь Евтушенко?

Это, конечно, гигантский труд, и я рад, что Евтушенко сделал то, что он сделал. Что касается меня, то я - человек более субъективного вкуса и поместил бы только то, что помню наизусть. А две тысячи имен моя голова не вмещает.

Феномен телевидения всегда был в вашем поэтическом арсенале, как некая знаковая структура. Можно представить, что вы взялись за работу телевизионного ведущего по близкой вам теме?

У меня были такие предложения, есть и сейчас. Но я всегда отказываюсь, потому что не могу быть регулярным. Ведь ты сам не знаешь, что скажешь, когда скажешь... Ты не можешь каждую субботу появляться на экране. Ты сразу станешь рабом и стандартом, а для поэта моего плана это - погибель.

Ваши читатели заметили, что российские "моменты истории" не раз прикасались к вам почти мистическим образом - начиная от встречи Хрущева с интеллигенцией и заканчивая путчем 1991 года. Как, по-вашему, некая символика здесь действительно существует?

Думаю, да. Не случайно же в октябре 93-го в мое Пасхальное яйцо попали две пули. Потом, когда яйцо находилось уже в Пушкинском музее, рядом была надпись, указывающая на выщербленки от пуль. В то время я был в Тольятти, а прилетел в Москву только ночью и утром побегал посмотреть, что с Яйцом. Меня туда не пропустили. Кстати, я впервые это рассказываю... И я пошел на Краснопресненскую.

Так вот, поскольку мою морду знают даже милиционеры, у меня обычно проблем с кордонами не бывает. Никогда не забуду одну вещь: вот... шел как идиот... пули так, чуть свистели... Но все равно я пер вместе с народом к Белому дому. Мы шли по набережной в сторону моста, как вдруг какой-то маленький лейтенант заорал как резаный: "Б...дь! К стене!!!". Тогда мы стали, как он велел...

Это называется "знаком качества" - руки и ноги в стороны. Постсоветская видеоба...

...и меня стали ощупывать. И, я скажу... не страх - а какая-то омерзительная дрожь пробежала по телу. Лейтенанту мы наврали, что идем домой, другой дороги, мол, нет.

Потом я опять пошел на улицу Неждановой, к Яйцу. На сей раз в оцеплении стояли студенты, они меня пропустили. Подошел, посмотрел его, и тут мне сообщили, что на соседнем доме сидит снайпер, поэтому надо быть осторожным. Убедившись, что с Яйцом все в порядке, я ушел. - а позже узнал из телевизора, что через полчаса после моего ухода двух человек подстрелили прямо под инсталляцией. И стихи мои потом были об этом... Все думают - "гражданский мотив", еще что-то... Никаких "гражданских мотивов", все это - дневник. Дневник, понимаете?

Андрей Андреевич, на дворе - октябрь-ноябрь. В эти дни "весь советский народ" отмечал "красные дни календаря". Демонстрации, водка, шамкающий генсек и море бумажных цветов. Сейчас эта эпоха понемногу остывает, в том числе в художественных произведениях. Подчас - сладко-ностальгических. Чем для вас, Андрей Андреевич, останется советская власть - воспоминаниями, трагедией, фарсом, видеомыслием? Чем?

Империей, конечно. Мы жили в то время, но нельзя путать власть и людей. Парадоксально, что в этом времени были созданы великие вещи Булгакова, Пастернака... В других условиях их может быть, и не было бы...

Беседовал Павел ХАНИН.